

— Готовился к лекциям я тщательно и читал их с энтузиазмом. Программу, утверждённую министерством, мне дал Кочемировский. С его ведома я её перекроил как мне удобнее. На каждую лекцию - две писал сначала план, потом краткий конспект из формул. Никакого конкретного учебника я не придерживался, опирался в основном на Хайкина и Фейнмана, пользовался и гостремовским курсом, конспекты лекций которого у меня сохранились, и в котором я находил немало полезного.

— Главным я считал донести до сознания студентов универсальный характер законов сохранения импульса, энергии и момента импульса и показать, как прочие частные законы, с помощью которых объясняют различные конкретные явления, вытекают из этих общих законов сохранения. Ну, и, конечно, сами понятия импульса, энергии и момента импульса нужно было хорошо усвоить. Школьная же подготовка основного контингента первокурсников университета, мягко говоря, оставляла желать лучшего, так что приходилось прежде всего добиваться усвоения таких понятий как скалярное и векторное произведения.

— Аудиторию мне удавалось увлечь, и даже последние разгильдяи с "камчатки" сидели у меня на лекциях смирно. Приходилось, правда, делать иногда язвительные замечания, а пару раз даже и изгонять болтунов с занятий, чтобы не мешали, но обычно было достаточно помолчать, если где-то возникал шумок, и подождать, глядя в ту сторону, - шумок стихал.

— Лабораторные занятия, которых я вначале побаивался, оказались несложными - для меня, разумеется, именно на них я по-настоящему общался со студентами, разбитыми для выполнения работ на пары (зачастую это оказывались "парочки"). Перед началом лабораторных занятий, которые длились по четыре часа, я проверял готовность студентов, которые обязаны были предварительно изучить описание постановки опыта, после чего только я допускал их к работе. Такая же система была в своё время у нас в ЛГУ на лабораторных занятиях.

— По каждой работе студенты писали отчёты, которые защищали передо мной уже по ходу выполнения следующих работ. Можно было отчитываться и скопом в конце семестра, но это было невыгодно самим студентам - тяжело, да и другие зачёты подпирали. Сдавший отчёты по всем работам (их было восемь или девять) автоматически получал зачёт и допускался к экзаменам.

— В этих беседах со студентами более всего и состоял процесс обучения, в них я давал студентам, пожалуй, даже больше, чем на лекциях, не по объёму, разумеется, а по глубине проникновения в суть, чему способствовала конкретность задач. Тех студентов, у которых я вёл лабораторные, я хорошо изучил за семестр и с лёгкой душой, уверенно ставил им оценки на экзамене, ещё до ответа предугадывая результат.

— Общение со студентами бодрило, повышало тонус, и я был вполне им доволен, хотя и уставал. И механику вспомнить в подробностях оказалось и полезным и приятным. Короче, я не жалел, что принял предложение Кочемировского.

— Я вёл лабораторные занятия в двух из трёх групп первого курса, а в третьей вёл... Миша Никитин. Он же вёл практические занятия по механике. После ликвидации гостремовской кафедры Никитин, попрыгав с одной кафедры на другую, оказался у Кочемировского на штатной должности старшего преподавателя.

— Я высказал Лёше своё недоумение по поводу того, что он согласился взять к себе Никитина, откровенного гостремовского прихлебателя, которого Кочемировский вроде бы не мог хорошо не знать. Да хоть бы и недавняя история с рецензией...

— Лёша ответил мне:

— Люди меняются. Никитин не так уж плох, помогает мне, старается, ведёт себя правильно. Я тебя попрошу - будь с ним помягше, не обостряй отношений.

— Перевоспитать он его, что ли, надеялся? Или просто нейтрализовать? Скорее всего,

последнее.

— Физико-математический факультет университета с этого семестра как раз разделился на два факультета - физический и математический. Обстановка на физфаке продолжала оставаться неустойчивой, несмотря на уход Гострема. Новым очагом неустойчивости стал Олег Николаевич Брюханов, которого ректор назначил исполняющим обязанности декана факультета. Выборы декана на Учёном Совете должны были состояться позже, к чему деятельно готовились и ректор, и сам Брюханов, и поддерживающий его (из солидарности с ректором) Гречишкин, и оппозиция - Кочемировский, его жена - Лена Пивоварова, вся их кафедра и столь же единая кафедра теоретической физики, а также Кондратьев, который был теперь на кафедре Гречишкина. Оппозиция выдвигала своим кандидатом Алексея Яковлевича Шпилевого с кафедры теорфизики, возглавлявшего тогда её, человека очень скромного, порядочного и принципиального.

— Олег Николаевич Брюханов был фигурой, безусловно, одиозной. Он заведовал кафедрой теплофизики, какими-то горелками занимался. До поры до времени он выделялся среди прочих сотрудников физмата лишь своим внешним видом, которому вполне соответствовала его фамилия: крупный, осанистый, губастый мужчина с грубоватыми манерами. Со всеми он вроде бы ладил, во всяком случае, не враждовал ни с Гостремом, ни с его противниками. В его прошлом имелось тёмное пятно - судимость за денежные дела, чего-то там растратил, но подробностей никто не знал, так как было это не в Калининграде.

— И вот Брюханов тихо-мирно жил-поживал и вдруг защитил докторскую диссертацию и стал профессором. В глазах ректора он моментально вырос до требуемой величины, и ректор выдвинул его в деканы физфака, назначив временно исполняющим обязанности. Очень хотел стать деканом Гречишкин, оставшийся на некоторое время после ухода Гострема единственным профессором на факультете, но тут защитился Брюханов, и выбор ректора пал на него, поскольку Гречишкин запятнал себя тем же грехом, что и Брюханов (незаконным присвоением хоздоговорных средств через подставных лиц), но не где-то там на стороне, а тут, в Калининградском госуниверситете, сравнительно недавно, так что дело это и шум были ещё у всех в памяти. Гречишкин, правда, отделался выговорами по партийной и административной линиям, выплатил большую сумму денег и уголовной ответственности избежал, но репутацию свою, конечно, подмочил.

— Оказавшись у кормила власти на факультете, Брюханов проявил себя во всей своей красе сытого самодура. Не покочевряжившись, он не подписывал ни одной бумажки, абсолютно не утруждая себя мотивировками своих действий. "Не хочу и не пуцу в командировку", "не хочу и не подпишу", "некогда мне сейчас, не приставайте, отстаньте" - вот и все его принципы. Ему просто нравилось, чтобы его упрашивали, лебезили перед ним, кланялись, непокорства не терпел и непокорным мстил.

— В отличие от Гострема Брюханов никакими великими идеями не увлекался, перестроек никаких не затевал. Просто командовать, помыкать - для него было достаточно, то есть он был гораздо примитивнее Гострема и примитивен вообще, но ничуть не менее Гострема опасен и вреден как для преподавателей, так и особенно для студентов.

— В университете практиковались периодические взаимные проверки качества преподавания, когда комиссия в составе нескольких преподавателей являлась на лекцию одного из своих коллег, слушала и смотрела, как она проводится, а потом устраивалось обсуждение. Как раз когда я вёл механику, подошла очередь проверки Брюханова. Я присоединился к комиссии, точнее, Кочемировский, её председатель, включил меня в состав комиссии, и полицезрел Брюханова в качестве лектора, после чего поучаствовал и в обсуждении его лекции.

— Читал Брюханов безобразно. Во-первых, он именно читал свои записи, просто диктуя студентам, что уже считается недопустимым или неприличным, по крайней мере. Но и диктовал он без всякого выражения, неразборчиво, быстро, вгоняя студентов в

полнейшую тоску. Вдобавок он умудрился и напутать в выкладках, жульническим образом сведя концы с концами.

— На обсуждении Кочемировский стал его разоблачать именно в сделанных ошибках, но Гречишкину (!) удалось это как-то замять. Он откровенно демонстрировал Брюханову свою поддержку.

— Восхитил меня Женя Кондратьев. Он встал и спокойно так высказался:

— - Меня, откровенно говоря, лекция Олега Николаевича просто удивила. Я первый раз вижу, чтобы профессор зачитывал лекцию по шпаргалке, да ещё так невнятно. Я бы на месте студентов на такие лекции не ходил, а Олегу Николаевичу поставил бы двойку за лекцию.

— Брюханов, кстати, на это и бровью не повёл, промолчал, но покраснел всё-таки.

— Не удержался и я, чтобы не вылезти, но выступил корректно, хотя, разумеется, и критически, обращая внимание на неточности в выкладках.

— Брюханов поблагодарил членов комиссии за полезные замечания и пообещал их учесть в будущем.

— На том и разошлись.

— Борьба с Брюхановым оказалась затяжной и превратилась на факультете, да и во всём университете в целую эпопею, в результате которой из университета пришлось уйти... Кочемировскому. А вскоре вслед за ним ушёл и Брюханов, но уже не в результате этой борьбы, а по причинам внешним. Но об этом позже.

— Тогда же факультет оказался расколотым на два лагеря. С одной стороны - профессора Брюханов и Гречишкин, поддерживаемые активно ректором и пассивно сотрудниками своих кафедр, с другой стороны - кафедры Кочемировского и теорфизики, которую возглавлял сначала Шпилевой, а потом Корнеев, плюс Женя Кондратьев. В этой атмосфере Кочемировский и решил взять к себе Никитина, надеясь, видимо, исключить его тем самым из союзников Брюханова.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыбакова-любителя"](#)